

ЗЕЕВ ДРОВАЛЕН

ШАТУН 2020

РАСКАЗ

12+

Зеев Дровален

Шатун 2020

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63696173

SelfPub; 2022

Аннотация

Заснеженные безлюдные города. Пустые дороги. Мертвые деревни. Слишком поздно выяснилось, что чудесная вакцина, спасшая мир от смертельного вируса, обладает побочным эффектом. С наступлением зимы все население северного полушария вдруг стало впадать в спячку.словно медведи. Но есть и те, кто не привился. Кто не подвержен зимнему анабиозу. И теперь они бродят по обезлюдевшим городам, представляя собой опасность как для «спящих», так и для самих себя. И имя им «шатунны».

Зеев Дровален

Шатун 2020

«Кто бы мог подумать, что люди будут впадать в зимнюю спячку как медведи? Мы считали, что нашли долгожданную вакцину от смертельного вируса, но на деле, получили нечто другое. Конечно, всеобщая вакцинация под эгидой ООН спасла население Земли от вымирания, но теперь мы столкнулись с другой, не менее важной проблемой. И эта проблема совсем не «спящие», а те, кто по какой-то причине не подвергся вакцинации и выжил. Теперь они бродят по зимним обезлюдившим городам представляя собой опасность, как для «спящих», так и для самих себя. Мы называем их «шатуны»»

(Из доклада Шведского представителя в Совете Безопасности ООН.

10 июня 2018 года)

Николай, Николай, сиди дома не гуляй!

(народная колыбельная)

Две пули, одна за другой впились в перекладину деревянного забора над головой Николая. На лицо посыпалась снежная пыль. Послышались крики:

- Он здесь! Здесь!
- Заходи слева! Уйдет!
- Вот он! Вот!

Но Николай не шевелился. Едва ли они что-то видели. В

белом охотничьем маскхалате его было сложно различить на снегу. Да еще и в пасмурную погоду в стремительно надвигающихся сумерках. Словно подтверждая его мысли снова раздались выстрелы. Но теперь стреляли совсем в другую сторону. И опять крики:

– Вот он! Вот!

– Ну все! Попался!

– Кранты тебе...

«Дебилы» – подумал Николай, совершенно беззлобно. Ловцы вели себя, как всегда, формально и предсказуемо. Что не удивительно, если учитывать из кого формировались эти команды. Первое время, заслышав погоню и крики, Николай в ужасе замирал в ожидании, что его вот-вот схватят. Но потом привык.

Ловцы еще какое-то время постреляли, пошумели, затем затарахтел двигатель вездехода, и через минуту все стихло. Николай приподнял голову и осторожно заглянул в щель между досками облезлого забора, за которым прятался. Он увидел едва припорошенную снегом дорогу, изъезженную гусеницами армейского вездехода. Другой транспорт с наступлением сезона спячки был редкостью. Тучи не по-зимнему низко ползли по небу и, казалось, едва ли не задевали верхушки огромных градирен городской ТЭЦ справа от дороги. Градирни, разумеется, не работали. Слева в надвигающихся сумерках угадывались какие-то сарайчики среди брошенных как попало железобетонных блоков и плит. ТЭЦ

была огорожена забором с колючей проволокой. Забор был в нескольких местах проломлен. Проломы были свежими. Рядом с ближайшим кто-то размашисто написал черной краской из баллончика «Мы не спим! Мы уже рядом!» Чуть дальше пролома стоял рекламный щит. Баннер уже наполовину оторвался и трепыхался в воздухе под порывами ветра, не давая разглядеть изображенной на нем рекламы. Но Николай и так знал, что там. Такие щиты стояли по всему городу. На них изображался человек в военной форме. У него было волевое и мужественное лицо, в руках он сжимал АК-74, а широкой спиной прикрывал женщину с малышом, которые сладко спали, свернувшись калачиком под невероятно толстым одеялом. На лицах у спящих, были почему-то идиотски счастливые улыбки, словно им снилось что-то невероятно приятное. Хотя доподлинно известно, что в «спячке» сны не снятся. Говорят, это как медленное погружение в ледяную прорубь, когда засыпаешь, а потом медленный подъем, когда просыпаешься. Внизу баннера шла крупная надпись: «Ты не спишь? Защити наше будущее!» А еще ниже уже более мелко: «Вступай в ряды Защитников!»

Под щитом, тревожно нюхая снег, пробежала собака. Остановилась на секунду, прислушалась, втянула ноздрями воздух и, опасливо посмотрев в сторону Николая, скрылась в проеме. Подумалось, хорошо, что у этих «защитников» нет собак. Не помог бы ему тогда с таким трудом добытый маскхалат.

Сумерки на двигались очень быстро. В воздухе закружились редкие снежинки. Вот и хорошо. Снег спрячет его следы. Николай осторожно поднялся и выглянул поверх забора. Ночью передвигаться было сложно. С наступлением сезона спячки электростанции останавливались, и все огни гасли. Города вымирали, а поселки и деревни тем более. Правда и в городах, и в поселках оставались считанные единицы «неспящих», а где-то в глуши, говорят, есть целые деревни. Ходили слухи, что там собирались все «шатуны» и строили планы нападения на беззащитные города. По другим слухам у «шатунов» были подпольные убежища-квартиры в самих городах, откуда они пересылали тайные сообщения с информацией, когда и куда лучше всего нападать. Мало того, некоторые поговаривали, что «шатуны» скоро установят свой диктаторский режим и все спящие будут у них рабами. Глупо, конечно. Кому нужны рабы, проводящие в спячке шесть или семь месяцев в году. И что это за слово такое, «шатун». Шатун – это злой и голодный медведь. А «неспящие» в целом несчастные загнанные люди, которые просто хотят, чтобы их оставили в покое. Наверняка, этот термин родился где-нибудь в кабинетах управления «ловцами». То есть «защитниками». Впрочем... Николай еще раз посмотрел на теперь уже почти невидимую в темноте надпись «Мы не спим! Мы уже рядом!» Впрочем, может быть какие-то основания у слухов и были. Если, конечно, эту угрожающую надпись не сделали сами ловцы.

Где-то далеко за ТЭЦ в небо взмыла оранжевая осветительная ракета. Послышались автоматные очереди, затем что-то бухнуло и полыхнуло. Затем опять очередь, и все стихло. Это не было похоже на обычную бесцельную стрельбу. Неужели кто-то из «неспящих» попался? И что это был за взрыв... «Ловцы» потому так и назывались, что должны были отлавливать голодных и замерзших «шатунов» живыми. Да и сами они, в принципе, были такими же «неспящими».

Ракета медленно опускалась на дальний лес, но, не достигнув верхушек деревьев, пару раз мигнула и погасла. Ночь на заснеженной окраине снова стала темной. И если раньше Николай сомневался, стоит ли ему идти в темноте, то теперь сомнений не оставалось. Нужно переждать. «Ловцы» редко охотились в одном месте подолгу. Завтра утром их скорее всего уже здесь не будет. Николай поднял с земли большой белый с серыми маскировочными пятнами рюкзак. И такую же белую обмотанную маскировочной тканью винтовку. Таиться уже не было смысла. В наступивший тьме он стал невидимкой. Еще раз промелькнула безнадежная мысль, плюнуть на все и пойти напрямик через захламленное бетонными плитами поле прямо к лесу. Но идти бы пришлось в сторону «ловцов». А на ловца и зверь бежит, не так ли? Нет. Он не такой зверь. Однако ночевать на снегу не хотелось, а сарайчики на свалке могли вполне подойти для этой цели.

Стараясь ступать как можно тише, (заметить его сложно, а вот услышать проще простого) Николай пересек доро-

гу. Обогнул сваленные друг на друга железобетонные плиты и оказался на краю большой свалки. То, что он принял за ровное поле, оказалось большой низиной куда, судя по всему, долгие годы сваливали все подряд, от строительного мусора до вышедшей из строя техники. Во всяком случае, один проржавленный экскаватор, беспомощно вытянувший свою клешню из-под снега, Николай заметил точно. А вот то, что он принял за сарайчики, сарайчиками вовсе не являлось. Это были сгруженные как попало металлические гаражи с остроконечными крышами. Не успел еще Николай как следует разочароваться, как вдруг почувствовал запах дыма. Слабый, но тем не менее отчетливый. Запах пришел с дуновением ветра откуда-то слева. Николай замер, поднял голову и несколько раз втянул носом воздух. Совсем как та собака у рекламного щита. Но дыма больше не чувствовалось.

Ступая как можно мягче, Николай двинулся влево. Там проступали из сумрака горы уложенных штабелями железобетонных плит. Плиты выглядели очень старыми. Местами бетон искрошился и из него торчали темные ребра арматуры. Николай прошел по узкому ущелью между двумя штабелями и оказался на небольшой открытой площадке. Плиты окружали ее почти со всех сторон, создавая искусственную защиту от ветра. Снег здесь не впивался в лицо, а падал с неба плавными хлопьями. Почти все свободное место занимал покосившийся домик, сколоченный из досок. Видимо, когда-то это была будка сторожа, а потом ее просто завалили

плитами и забыли. Хотя, что тут можно было сторожить на этой свалке? Ну, разве что, металлолом.

Снег валил уже плотной белой стеной, и Николай решил подойти ближе. Если кто и был здесь, то следов уже не разобрать. Впрочем, наверняка был. И этот кто-то сейчас внутри сторожки. И едва ли это «ловцы». Николай снял винтовку сплеча. Встреча с «неспящими» тоже могла оказаться не очень приятной. К удивлению, дверь оказалась плотно закрытой и даже забитой гвоздями. Снег у порога успел утрамбоваться под собственной тяжестью настолько, что не было никаких сомнений, ее не открывали очень давно. Минимум, сначала осени, максимум несколько лет. Николай поднатужился и рванул на себя доску, что прибивала дверь к косяку. Не с первого раза, но доска поддалась, и дверь открылась.

Синеватый луч фонаря выхватил из темноты небольшие «сенцы», или как там называется тамбур между первой и второй дверью? Заиндевевшие стены из фанеры, какой-то мусор и смятый коврик на полу. Дверь из «сенец» в дом оказалась незаколоченной и открылась относительно легко.

Николай посветил фонариком. Железная печь, стол, опять какие-то тряпки на полу, два стула и диван. Все промерзшее. И ничего не напоминало о присутствии человека. Что ж. Это все-таки лучше, чем сарай. Николай плотно закрыл внешнюю дверь и даже задвинул засов, обнаружившийся с внутренней стороны. Инстинктивно вытер ноги о скомканный половичок и вошел внутрь. Несомненно, запах ды-

ма был. Едва заметный, но был. Николай направил фонарь на печь. Она была небольшой, железной, грубо сваренной. Сверху стояли заиндевевший чайник и две помятые алюминиевые кружки. На ощупь шершавая поверхность оказалось холодной, такой же, как и все вокруг.

Николай еще раз огляделся. У стены стоял диван заваленный ворохом то ли одеял, то ли тонких матрасов. Над ним на стене выцветший календарь за 1998 год с поблекшей красоткой в бикини. Николай подошел ближе и направил луч фонарика на одеяла. Чего здесь только не было. Помимо самих одеял, там оказался жуткого вида матрас, а сверху еще и коврик с пола. Все было уложено слоями и не оставляло ни капли сомнений – это «гнездо». Николай стволом винтовки подцепил край одеяла из самого нижнего слоя и приподнял. Из глубины на него смотрели мутными остекленевшими глазами два желто-зеленых лица. Затянутые темной непрозрачной пленкой зрачки чуть светились в луче фонарика. То, что было кожей, теперь стало плотной ороговевшей тканью, которая искрилось от налета инея. Ртов и носов не было, они затянулись и едва угадывались. Одним из спящих, видимо, была женщина. Сейчас это можно было определить только по волосам. Волосы никак не изменялись. А второй, судя по размерам, ребенок, девочка. Как мало они походили на рекламный плакат, где мать и дочь спали с блаженными улыбками на счастливых лицах под охраной «защитника».

Сзади послышался металлический щелчок и холодный

ствол уперся Николаю в затылок.

– Отойди от них, – сказал шепотом женский голос. – И брось ружье.

– Не могу, – также шепотом ответил Николай. – Ремень на руку намотан.

– Так размотай.

– Сейчас... – сказал Николай и сделал вид, что что-то разматывает. На винтовке не было никакого ремня.

– Сейчас, зацепилось тут... Только не стреляй!

Николай чуть присел, чтобы холодный ствол не упирался в голову и, резко развернувшись, перехватил направленный на него револьвер.

Это была девушка. Худая, если не сказать изможденная. Большие темные глаза испуганно смотрели из-под натянутой до бровей вязаной шапки с помпоном.

Они секунду смотрели друг на друга.

– Отпусти. Мне больно, – наконец сказала девушка.

– Отпусти револьвер, – возразил Николай. Он перехватил ее кисть своей правой рукой и теперь крепко сжимал, направив револьвер стволом вниз. Это был тяжелый Кольт «Миротворец».

– Не отпущу, – сказала девушка и попробовала вырвать руку. Николай сжал сильнее, и девушка «ойкнула».

– Отпусти!

В ее глазах появились слезы

– Хорошо. – согласился Николай. – Только убери курок

со взвода.

Девушка шмыгнула носом и свободной рукой вернула курок в исходное положение.

– Хорошо. Теперь, давай спокойно поговорим, – и Николай отпустил ее руку.

– Давай, – согласилась девушка и направив револьвер на Николая, нажала на спусковой крючок. И даже зажмурилась инстинктивно. Выстрел из «Миротворца» может оглушить кого угодно. Но ничего не произошло. Револьвер не выстрелил. Девушка испуганно открыла глаза.

– Я правильно понимаю, что у тебя кольт «Миротворец» образца тысяча восемьсот семьдесят третьего года? – спросил Николай и осторожно забрал у растерявшейся девушки револьвер.

– Не знаю... Наверное, – ошеломленно ответила она, отдавая оружие, уже безропотно

– Да, это точно он, – подтвердил Николай, осмотрев револьвер и убедившись в присутствии патронов в барабане.

– Прекрасный экземпляр. Шестизарядный, длина ствола пять с половиной дюймов, калибр 357 магнум, спусковой механизм одинарного действия.

Девушка смотрела на него молча. Ошеломление прошло, и теперь в ее глазах читались упрямство и злость.

– Если бы не спусковой механизм одинарного действия, ты могла бы меня убить, – как можно спокойнее сказал Николай.

– Что?

– Здесь нужно перед выстрелом каждый раз возводить курок.

– Понятно...

Девушка смотрела на него изучающе.

– Ты что, спец по оружию?

– Нет. Просто в нашем клубе спортивной стрельбы был как раз похожий. Патронов много к нему?

Девушка кивнула.

– Пять упаковок.

– Ого! Ты ограбила оружейный магазин?

– Нет, нас было двое сначала... Его застрелили.

– Застрелили? Как же так вышло?! Ловцы обычно берут нас живыми. Какой от мертвых прок?

Девушка чуть заметно выдохнула.

– Так ты не из них?

Николай развел руками.

– Очевидно нет. И где ты видела «ловцов» в маскхалатах? Они обычно в солдатских бушлатах.

– Те, кто убил Сергея, выглядели как ты.

Девушка нервно поправила сползшую на брови шапку. Ее рука дрожала. Нервы, подумал сначала Николай. Но тут же до него дошло, что это от холода. Девушка была одета в так называемый "утепленный" лыжный костюм, который хорош что бы пару часов покрасоваться на свежем воздухе со сноубордом.

– Тебе нужно согреться, – сказал Николай.

– Я не смогла зажечь огонь, – ответила девушка.

– Нет-нет. Печь зажигать нельзя. Думаешь, как я тебя нашел? Николай достал из рюкзака мини горелку, работающую на сухом топливе. Зажег, отрегулировал пламя, и комната осветилась теплым мерцающим светом. По стенам заплясали расплывчатый тени. Из недр рюкзака Николай извлек плоский охотничий котелок и вышел из домика, чтобы набрать снега. Благо он был свежим и валил не переставая. Заодно проверил, не видно ли света от горелки снаружи. Окно было закрыто хорошо, огня не видно. Николай аккуратно наполнил котелок снегом, утрамбовывая его как можно плотней. Открыл входную дверь и хотел было уже вернуться в дом, как вдруг замер. Дверь! Она была забита гвоздями и занесена снегом...

Николай снова вернулся к окну. Внимательно осмотрел его, подсвечивая фонариком. Худенькая девушка вполне могла пролезть. Как и женщина с ребенком. Николай вернулся к двери. Немного подумал, достал кольт «Миротворец» и положил его в сених в угол перед самым выходом. Накрыл скомканной затвердевшей на холоде тряпкой, оценил естественность композиции. Закрыл дверь и вернулся в сторожку.

Девушка сидела у горелки и грела о крохотный огонек руки.

– Давай сделаем чаю – сказал Николай и поставил котелок

со снегом на огонь.

– Сейчас будет теплее...

Николай достал из рюкзака плоскую термическую грелку, надавил на капсулу внутри, и протянул девушке.

– Положи под куртку.

Девушка послушно засунула грелку за пазуху.

– Давно ты здесь?

– Нет. Днем, как услышала вездеходы, хотела спрятаться на свалке, а тут... дом.

– В окно влезла?

– Да. Если бы вошла в дверь, то сразу было бы видно, ну, если бы они начали искать.

Умная девочка, подумал Николай, доставая из рюкзака сухари и кусок сала.

– Извините, я не ем сало, – сказала девушка.

– Я тоже не ем, – ответил он. – Но, чтобы выжить на холоде, придется.

Ему подумалось, что много сейчас приходится делать того, что пару лет назад было немислимо.

Девушка молча смотрела, как он нарезает тонкими ломтиками сало и накрывает ими засушенные кусочки хлеба. Она уже перестала дрожать. Сидела, облокотившись на руку и, видимо, о чем-то задумалась. Неровный огонек горелки отражался в ее глазах двумя мерцающими точками.

Закипела вода в котелке. Николай достал пакетики с чаем и вопросительно посмотрел на девушку.

– У тебя кружка есть?

– Что? – она словно очнулась от глубокого сна. – Кружка? Ах да... Покопалась в синей, по цвет костюма для лыжных прогулок, спортивной сумке и достала кружку из темного пластика. Николай положил в нее чайный пакет и залил кипятком. Потом налил в свою новенькую металлическую термо-кружку «Арктика». Протянул девушке двойной бутерброд из кусков сухарей и пластинок сала.

– Приятного аппетита.

– Спасибо, – машинально сказала девушка и улыбнулась. – Вы меня простите, я тут чуть с ума не сошла за весь день.

Некоторое время они молча ели. Мерцал огонек горелки, создавая хрупкое ощущение тепла и уюта. За стенами в ущельях между плитами завывал ветер, и наверняка шел снег. Приятно было хоть на недолгое время ощутить себя в безопасности. Возможно ощущение это ложное, да и скорее всего ложное, но оно было. Девушка уже совсем согрелась. Она съела свой бутерброд и теперь, держа кружку с чаем двумя руками, смотрела как поднимается кверху горячий белый пар.

– Кто бы мог подумать... – вдруг сказала она. – Еще пару лет назад, кто бы мог подумать, что все перевернется.

– Да... – согласился Николай. – Удивительно. Сколько было версий грядущего апокалипсиса: ядерная зима, радиация, мутации, зомби всякие. Все вышло по-другому...

– Ну так это и не апокалипсис, – возразила девушка. – На юге, где нет зимы, там же все по-прежнему. Все как обычно.
– Да. Но мы-то живем не на юге.

Они еще немного по молчали. Почему-то было приятно сидеть вот так молча, смотреть на огонек горелки, пить чай и не ощущать никакой неловкости в этом затянувшимся молчании. Ветер в ущелье из плит снова протяжно завыл. Непогода снаружи разыгралась не на шутку.

– А ты кем был, до того, как все началось? – неожиданно спросила девушка.

Кем он был? Кажется, что все это было много лет назад и с кем-то другим.

Планерки, отчеты, продажи. Николаю было жаль катящийся в пропасть мир, но своей прошлой жизни ему жалко не было. Кем он был, когда все началось? Теперь можно честно признаться – никем. К своим тридцати четырем, он так ничего и не добился. Руководитель отдела продаж сотовой компании «Белл». Конечно, «Белл» была федеральным оператором связи, и работать в ней многие считали удачей, особенно после глобального мирового кризиса две тысячи четырнадцатого. Тогда многие обанкротились, многие разорились, многие потеряли работу. Наверное, кризис четырнадцатого года был предвестником надвигающейся катастрофы. А может быть и не предвестником, а катализатором. Уже в пятнадцатом появился этот непонятный птичий грипп. Где-то в Китае уничтожали и сжигали дотла целые

фермы. Но никто, сначала, не обратил особого внимания. Грипп и грипп. Много их всяких было птичий, свиной... Но затем, из Китая пришли тревожные новости. Оказывается, этот новый штамм передается человеку. Но когда это выяснилось, было уж поздно. Инфекция расползлась по всему миру. Болезнь была скоротечной и страшной. Человек сгорал за несколько дней. Почти во всех странах объявили карантин. Но куда там! К шестнадцатому году уже умер каждый пятый.

Спасение пришло из маленькой Швеции. Уникальный препарат, который настраивал иммунную систему человека на борьбу с вирусом. К семнадцатому году были привиты почти все оставшиеся в живых. Ну, может быть, за исключением каких-нибудь религиозных и прочих фанатиков, да тех, кто жил в труднодоступных местах. Каких-нибудь пигмеев на Амазонке. Мир вздохнул с облегчением. Пока не наступила зима...

– Да, ни кем я особо не был, – сказал Николай вслух. – Так, менеджер средней руки.

– Я думала ты военный. В смысле, ты разбираешься в оружии.

– Не особо. Если ты про кольт, то у нас спортивном тире был один такой. Немецкого производства. Из него почти не стреляли. Он служил чем-то на вроде красивой редкой вещицы в витрине.

– А... Понятно.

В голосе девушке послышалось разочарование. А может быть Николаю это показалось. Но его задело. Он хотел было сказать, что он был лучшим стрелком, и что... В завывание ветра вкрался едва заметный посторонний звук.

Николай замер. Или ему почудилось? Девушка, заметив его тревогу, тоже испуганно затаила дыхание.

– Что? – беззвучно, одними губами спросила она.

Николай хотел было сказать, что, наверное, послышалось...

Как вдруг оглушительно гроыхнуло, ударило по ушам, и швырнуло на пол...

Николай сидел на стуле со скованными за спиной руками. В ушах звенело, голова раскалывалась, перед глазами плавали круги. Перед ним стояли пятеро в таких же как у него пятнистых маскхалатах.

Девушка лежала у стены в неестественно вывернутой позе. Вырванная взрывной волной дверь видимо ударила прямо в нее.

– Привитый? – спросил один из пятерых и присел перед Николаем на корточки. Над глазом у него был небольшой шрам.

– Ты же привитый? Почему не спишь, как эти? – и человек со шрамом указал в сторону дивана.

Действительно почему? Николай и сам много раз задавал себе этот вопрос, когда с приближением зимы все вокруг начинали готовиться к спячке. К «зимнему отпуску» – как ска-

зал знакомый.

Кто мог, тот уехал на юг, где зимы не было, но большинство не смогли уехать.

Первая зима напугала всех. Но потом привыкли. Ко всему можно привыкнуть. Даже устраивали перед наступлением холодов большие праздничные застолья, чтобы «нагулять жир» перед спячкой, как шутил тот же знакомый. И Николай «нагуливал жирок» вместе со всеми, делая вид, что как все готовится к спячке, но на самом деле незаметно для всех набивал квартиру продуктами...

– Ты заснул что ли? – сидящий перед Николаем на корточках человек шлепнул его ладонью по щеке. – Раньше нужно было спать!

У дверного проема хохотнули. Человек встал с корточек.

– Так! – сказал он кому-то. – Сообщи, что мы его взяли. Скоро будем.

– А с этой что? – спросили от двери.

– Несите вездеход. Возьмем с собой. И езжайте с первой группой. Мы со второй чуть задержимся, побеседуем с нашим шатуном.

Двое подхватили тело девушки и потащили к выходу. Николаю показалось, что она застонала. Или ему просто хотелось, что б это было так.

– Так, значит ты привитый, – задумчиво сказал человек со шрамом и, подняв второй табурет с пола, уселся на напротив Николая

– Ну, давай проверим.

Он подал знак. Один из оставшихся «ловцов» (а «ловцы» ли это?) подошел к Николаю и отомкнул наручники сковывающие руки.

– Покажи.

Николай неслушающимися пальцами расстегнул липучки маскхалата, под которым был зимний комбинезон «полярник». Расстегнул сначала внешнюю молнию, потом внутреннюю и, оголив плечо, показал шрам виде звездочки. Такие шрамы оставались у всех после вакцинации.

Снаружи затарахтел двигатель вездехода. Сейчас, когда двери отсутствовали, он слышался отчетливо.

– Что со мной будет? – спросил Николай, прислушиваясь к удаляющемуся звуку мотора.

Ловец со шрамом пожал плечами.

– В обычный лагерь для «шатунов» ты, конечно, не попадешь. Твою подружку в Центре препарируют сразу же. Ну, а тебя чуть позже. У наших «очкариков» руки чешутся, чтобы разобрать тебя по органам.

– Она мне не подружка, – сказал Николай.

Ему вдруг вспомнился огонек горелки. И как они сидели и молчали, и в этом молчании не было неловкости, в нем было что-то другое, что-то теплое... А ведь даже имени у нее не спросил.

– Как вы меня выследили? – спросил Николай.

– Приборы ночного видения и собаки, – ответил человек

со шрамом, – Проще простого.

– Проще простого... – повторил за ним Николай.

– А ты думал, что самый умный? Давай, вставай. Пора.

Николай поднялся и застегнул комбинезон. Двое у дверей не то, чтобы напряглись, но было видно, что готовы ко всему. Стволы автоматов смотрели ему в грудь. Николай сделал шаг и покачнулся. Кажется, еще чуть-чуть и упал бы.

– Голова... – слабым голосом сказал он.

– Ничего, скоро пройдет, – хмыкнул человек шрамом. – Двигай.

Еле удерживая равновесие, Николай подошел к проему, где раньше была дверь в сенцы. Наружной двери тоже не было. Ее разорвало в клочья. Часть сенец слева обвалилась. Один из конвоиров был уже снаружи и внимательно следил за Николаем.

– Давай, давай! Шагай! – подтолкнули сзади.

Николай сделал неуверенный шаг вперед. Но нога зацепилась за невысокий порожек, и он рухнул во весь рост в разбитые взрывом сенцы.

– Да еж твою медь! – крикнули сзади – Встал! Быстро!

– Сейчас... Сейчас... – бормотал Николай, хаотично шаря руками по полу и словно бы пытаясь подняться. – Голова кружится! Сейчас... Встаю!

«Миротворец» был там, где он его оставил. Только обломок доски прикрыв его сверху.

Действительно в спортивной секции из «Миротворца»

стреляли мало. А если и стреляли, то ради возможности поддержать в руках оружие легенду. Поэтому Николай имел возможность стрелять из него сколько угодно – знай оплачивай патроны и приводи после стрельбы в порядок. Тренер его страсти не одобрял, но и не мешал. За свои деньги каждый развлекается как может. Но как-то раз, понаблюдав за стрельбой Николая, позвал его к себе в кабинет и показал видео на ютубе, где знаменитый стрелок Джерри Микулек выпускал из револьвера шесть пуль за одну секунду. Причем из такого же «Миротворца». Это было поразительно. За одну секунду стрелок шесть раз левой рукой возводил курок, а правый нажимал на спуск! И все пули ложились точно в цель.

– Слабо повторить? – спросил тренер.

– Увидим, – ответил тогда Николай.

Это была весна две тысячи шестнадцатого.

Теперь, четыре года спустя Николай стоял на четвереньках в полуразрушенных сенцах промерзшей насквозь сторожки и онемевшими пальцами нащупывал знакомую рукоятку револьвера.

– Хватит ползать, – прикрикнули сзади. И нога в тяжелом ботинке дала хорошего пинка. Словно бы от этого удара он упал набок и поднял револьвер.

Николай так и не смог повторить рекорд знаменитого стрелка. Он сумел достичь только пяти выстрелов в секунду. Три выстрела он сделал за две третьих секунды...

Метель по-прежнему не унималась. Но это к лучшему. Теперь его не найдут даже с собаками и приборами ночного видения. А наугад им придется прочесывать больше тысячи домов. Но он лишился своего рюкзака с припасами и винтовки. Оставался лишь револьвер с тремя патронами. В доме, куда он влез на этот раз, оказались небольшие запасы еды и трое «спящих» в большом похожем на кокон «гнезде». Что ж, они пока не мешают друг другу, а что будет завтра...

Николай посмотрел на старомодный отрывной календарь на стене. Все-таки он должен добраться до своей цели. Той, что за лесом. Тогда многое для него изменится. Николай подошел к календарю и оторвал почти все листки. Остался последний.

Заканчивался день тридцать первого декабря две тысячи двадцатого. Что ж, следующий год будет лучше.